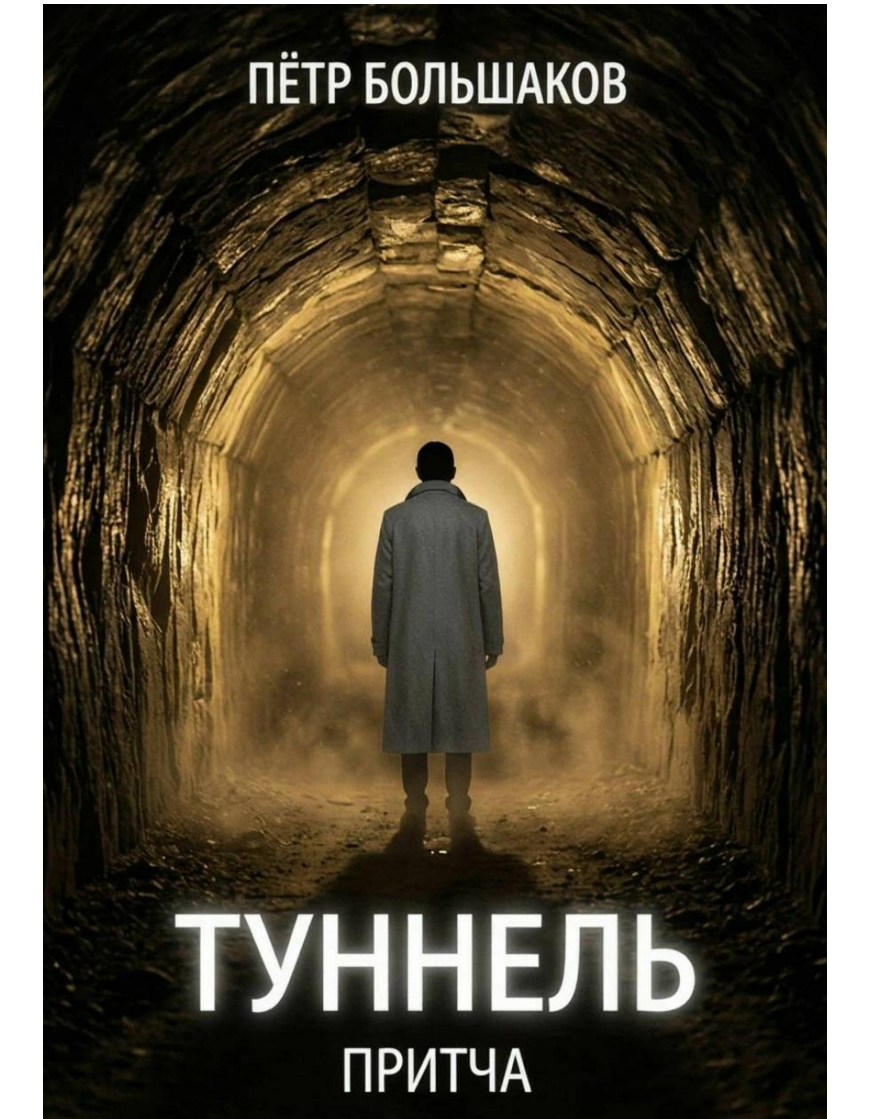

ПЁТР БОЛЬШАКОВ

ТУННЕЛЬ

ПРИТЧА

Пётр Большаков

Туннель

<https://litres.ru/74657133>

SelfPub; 2026

Аннотация

Человек очнулся в туннеле.

Он не помнил своего имени. Не помнил, откуда пришёл. Не помнил, как оказался здесь. Он помнил только вкус пыли на губах и холод камня под ладонями.

Он встал. Пошёл. Наугад. В левую сторону.

Шёл долго. Или недолго. Времени здесь не было. Были только стены, только шаги, только свет без источника.

Потом он нашёл пустую пачку сигарет. Вросшую в пыль. С вмятиной от пальца. И понял, что это его. Что он уже был здесь. Уже искал. Уже кричал. Уже сдавался.

А потом сзади раздался голос.

Тот, кто стоял позади, не имел лица. Его звали Никто.

Он не предложил помощь. Не указал выход. Он просто поставил на пол бутылку с водой и сказал:

— Ты очень хорошо умел идти никуда.

Это притча о туннеле, в котором каждый из нас когда-нибудь оказывался. О пыли, которая оседает на плечи. О голосе, который говорит то, что мы не хотим слышать. И о двери, которая ведёт не в космос, а на кухню.

Прочитайте её, пока закипает чайник.

Туннель

ТУННЕЛЬ

Притча

Часть I. Туннель

Он очнулся от вкуса пыли.

Она была везде: на зубах мелкой, пресной крошкой, в ноздрях, забивая дыхание, на губах, превратив их в наждачную бумагу. Он лежал на боку, и левая щека, вдавленная в холодный камень, ничего не чувствовала.

Первое, что он услышал, — собственное дыхание. Хриплое, чужое, с тяжёлым присвистом на вдохе.

Потом пришёл холод.

Пол под ним был не гладким льдом. Это был неровный, влажный камень, покрытый толстым, слежавшимся слоем

пыли. Он сел. Облако серых частиц поднялось вокруг головы, медленно оседая на волосы, на плечи, на грубую ткань того, что оказалось на нём надето. Серая рубашка с потёртым воротником. Дешёвые брюки.

Он посмотрел на свои руки. Пальцы были серыми от грязи, ногти — чёрными полумесяцами. Он долго смотрел на них, пытаясь вспомнить, как они выглядели раньше. Не смог.

Память была такой же пыльной и пустой, как этот туннель. Он не помнил, кто он. Не помнил, откуда. Не помнил даже своего имени, хотя язык сам пытался его произнести, натываясь на пустоту.

Он поднял голову.

Свет здесь был сумеречным, густым, цвета мокрого картона. Он не падал сверху и не бил из ламп. Он просто существовал, обволакивая выступы каменной кладки. Стены были неровными, влажными, в углах топорщился чёрный, высохший мох. С потолка свисала старая, прогоревшая проводка в плетёной оплётке.

Он встал. Ноги держали плохо, суставы отзывались тупой болью, как после долгой болезни. Он сделал шаг. Под стопой

что-то хрупнуло. Это была не кость — пластик.

Он опустил взгляд.

На полу, втоптаный в пыль так, что стал почти плоским, лежал картонный стаканчик из-под кофе. На белом боку ещё можно было различить выцветший логотип — корону, нарисованную от руки. Он поднял его. Стаканчик был пуст, но на внутренней стенке остался засохший коричневый ободок. Он поднёс его к лицу. Пахнуло чем-то далёким, забытым: дешёвым растворимым кофе, офисным пластиком и озоном.

Он сунул стаканчик в карман брюк. Руки дрожали.

Он пошёл. Наугад. В левую сторону.

Шаги поднимали новые облака пыли. Она лезла в глаза, заставляя щуриться. Он шёл долго. Время здесь не измерялось часами — часов на запястье не было, как не было и телефона в кармане. Время измерялось только болью в икрах и сухостью в горле.

Он считал шаги. До ста. Потом сбился. Начал снова. На третьей сотне остановился. Оглянулся. Позади был тот же

туннель, уходящий в желтоватую мглу. Впереди — тот же. Он не приблизился ни к концу, ни к началу.

Он пошёл обратно.

Обратный путь был тяжелее. Гравитация словно увеличилась. Пыль под ногами казалась глубже. Где-то на середине пути, споткнувшись о выступающий камень, он заметил на полу что-то маленькое и тусклое. Подошёл. Наклонился.

Это была смятая пачка сигарет. Пустая. Она была не просто брошена — она вросла в пыль, покрылась серым налётом. Он поднял её. На мягком картоне была глубокая вмятина — след от указательного пальца. Он сжал пачку в кулаке. Пальцы помнили это давление. Пальцы помнили, как вминают картон в приступе злости или бессилия.

Это был его. Это он бросил её здесь. Единственный материальный след, который он оставил в этом мире.

Он сунул пачку в карман. Она легла рядом со стаканчиком, глухо стукнув.

Времени не существовало. Было только движение. И его отсутствие.

Тогда он побежал. В ту сторону, где ещё не был. Он не знал, почему бежит. Может быть, от страха. Может быть, от надежды. Может быть, просто потому, что стоять на месте, вдыхая собственную пыль, было невыносимо.

Он бежал, пока икры не свело судорогой. Потом колени подломились. Он упал. Колени ударились о камень с такой силой, что из глаз брызнули слёзы. Ладони. Лоб. Он лежал, слушая, как колотится сердце, пытаясь пробить рёбра. В горле пересохло так, что каждый вдох царапал трахею.

Он никогда в жизни так не хотел пить — хотя не помнил своей жизни.

Он поднял голову. Посмотрел вперёд. Конец не появился. Посмотрел назад. Начало исчезло.

Есть ли конец? Должен быть. Всё не бывает бесконечным. У всего есть край. У всего есть выход.

А что, если всё-таки нет?

Он закричал.

— Помогите! — голос ударился о влажный камень и умер, не родив эха. Звук просто впитался в стены, как вода в песок.

— Есть здесь кто-нибудь?

Никого.

Он позвал ещё раз. И ещё. Пока не охрип. Пока крик не превратился в свистящий хрип. Потом он попытался крикнуть своё имя. Но не помнил его. Крик превратился в булькающий кашель. И тогда он впервые по-настоящему испугался — не туннеля, а себя. Того пустого места в голове, где должно было быть имя.

Он оглянулся. Позади — никого. Стены ровные, бугристые, покрыты пятнами сырости. Нет окон. Нет дверей. Свет сумеречный, без источника. Откуда он идёт — ниоткуда. Свет просто есть, как плесень.

Он прислонился спиной к холодной кладке и сполз на пол. Обхватил колени руками. Пыль немедленно покрыла его плечи белым саваном.

— Ну что это, — прошептал он, почти рыдая. Пыль лезла в рот. — Где я? Куда идти?

И тогда сзади раздался голос.

Он не был громким. Он не был потусторонним. Он был сухим, ровным и лишённым всякого сочувствия. Таким голосом обычно говорят в окошке кассы, когда просят мелочь.

— Трудная ситуация? Не знаешь, куда идти? Раньше ты с этим как то справлялся. У тебя очень хорошо получилось идти никуда.

Мужчина оцепенел. Он не обернулся сразу. Сначала просто замер, боясь спугнуть звук. Потом медленно, очень медленно, преодолевая боль в пояснице, повернул голову.

Позади него, в трёх шагах, стоял человек.

Он стоял ровно, без напряжения. И мужчина смотрел на него — и не видел. Не потому, что было темно. Света хватало. Не потому, что человек был далеко. Он был близко. Мужчина смотрел прямо на него — и не мог собрать его в одно целое. Вот плечо. Вот рука. Вот серая ткань, похожая на всё остальное вокруг. Но стоило перевести взгляд на лицо — и взгляд соскальзывал. Как будто там ничего не было. Как будто там было место, где должно быть лицо, но само лицо не пришло.

— Кто вы? — прошептал мужчина. Голос не слушался.

— Здесь никого не было. Я смотрел. Я проверял. Здесь нет дверей.

— Никто, — сказал человек.

Это прозвучало не как уклонение. Не как «не ваше дело». Как имя. Как если бы он назвал себя «Иван» или «Пётр». Только имя было — Никто.

— Откуда вы? — мужчина говорил громче, чем хотел. — Как я здесь оказался? Что значит — раньше справлялся?

Никто чуть склонил голову набок. Мужчина понял это не по глазам, которых не было, а по направлению.

— Дверей нет, — сказал Никто. — И меня нет. Но я здесь.

Он говорил спокойно. Без нажима. Как будто объяснял ребёнку, что вода мокрая, а камень твёрдый. Не потому, что ребёнок глупый. А потому, что это не нуждается в доказательстве.

— Это не важно, кто ты, — сказал он. — И не важно, как ты здесь оказался. Важно, почему ты здесь оказался.

Он сделал шаг вперёд. Мужчина отшатнулся — не от стра-

ха. От неправильности. От того, что человек шёл, а лица у него не было. Как будто шла одежда. Как будто шло место, которое двигалось.

— А раньше... — Никто остановился. — Да ты с этим справлялся. И постоянно. Ты очень хорошо не знал, куда идти. У тебя очень хорошо это получалось — идти никуда.

— Я не понимаю, — сказал мужчина.

— Понимаешь. Просто не хочешь. Что же тогда тебя сейчас пугает? Тебе повезло. Есть только два направления, куда можно пойти. А раньше у тебя были все направления. И ты шёл никуда в любом из них.

Никто наклонился. Он не присел. Не опустился на корточки. Он просто стал ниже — как если бы его верхняя часть перестала существовать, а нижняя осталась. Он поставил на пол бутылку с водой. Прозрачную, полную до половины.

Мужчина смотрел на неё, не веря. Вода. Настоящая вода. В гладком, без единой трещины полу — бутылка.

Никто выпрямился — так же неправильно, как и наклонился. И повернулся лицом к стене.

— Постой! — закричал мужчина, бросаясь к нему. Руки сами собой потянулись вперёд, чтобы схватить, удержать. — Кто ты? Ты должен мне помочь!

Пальцы коснулись ткани. Она была холодной. И твёрдой. Не как шерсть. Не как лён. Как застывший воздух. Как нечто, которому придали форму.

Никто не вздрогнул. Он посмотрел на каменную кладку — мужчина понял это не по глазам, а по направлению головы. Нашёл невидимую линию между двумя плитами. Сделал шаг вбок. И перестал быть.

Не растворился. Не вошёл в стену. Не исчез в темноте. Он просто перестал быть видимым — как перестаёт быть видимым предмет, на который перестали смотреть. Как перестаёт быть слышимым звук, который растворился в шуме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.